

## Интерпретация как intersубъективное событие

*М.Г. Пестов*

*Пестов Максим Геннадьевич – врач-психиатр, психотерапевт, магистр психологии, преподаватель магистерской программы НИУ ВШЭ, действительный член ППЛ, РПА и IARPP (International Association Of Relational Psychoanalysis and Psychotherapy).*

*В статье описывается трансформация представлений об интерпретации как об однонаправленном воздействии аналитика на анализанда в сторону совместного intersубъективного процесса, который затрагивает обоих участников аналитической ситуации. В статье представлены обобщения представлений о позиции аналитика с точки зрения теоретиков объектных отношений, представителей теории привязанности, интерперсональной и реляционной традиций. Практическая ценность работы заключается в том, что в ней описываются «требования» к аналитику, занимающему intersубъективную позицию в отношениях с анализандом, а также выделяются условные «этапы» построения интерпретации, отвечающей вышеописанному требованию.*

*Ключевые слова: субъект, intersубъективность, диалог, феноменология, реляционная перспектива, психотерапевтические отношения, самораскрытие психоаналитика.*

Психоаналитический дискурс, с одной стороны, является уникальной позицией в исследовании человеческого бытия, а с другой стороны, в этой уникальности он также оказывается и саморефлексивным, то есть обращенным на изменение и преобразование самого себя. В истории развития психоаналитической мысли отражена существенная трансформация большинства основополагающих понятий и концепций. Эта трансформация связана в том числе с изменениями представлений о том, какой характер имеет связь между двумя субъектами – аналитиком и анализандом – и каким образом осуществляется взаимодействие между ними. Интерпретация – как событие, которое «запускает» изменения – имплицитно отражает актуальные представления об условиях таковых

изменений. В этом тексте я постараюсь отразить связь этих представлений с техническими стратегиями, которые позволяют воплотить ценности реляционной парадигмы в клинической практике.

Итак, начнем с краткого исторического экскурса. Традиционно интерпретация рассматривалась как односторонний процесс, направленный от аналитика к клиенту. Клиент при этом свободно ассоциирует и тем самым предоставляет аналитику материал несимволизированного первичного процесса, тогда как последний с помощью вторичного процесса символизации перерабатывает эти данные и сообщает клиенту результат в виде интерпретации. Недостаток этой модели заключается в следующих моментах: во-первых, интерпретация традиционно считается вербальной, то есть содержащей в себе только объяснение, и это существенно сужает объем передаваемого опыта от аналитика к клиенту исключительно до когнитивного измерения. Во-вторых, вектор влияния в этой модели по определению является односторонним, направленным от аналитика к клиенту, тогда как взаимное влияние их друг на друга либо никогда не рассматривалось, либо считалось помехой, которую необходимо преодолеть.

Современное представление об интерпретациях, соответственно, выводит их за пределы ограничений вербального спектра – сейчас интерпретацию можно смело расширять до понятия интервенции, то есть включать в нее любой, в том числе эмоциональный отклик терапевта. То есть формы проявления интерпретации существенно разнообразились. Но это еще не вся модификация понятия. Форма интерпретации – эмоциональный отклик, молчание, активное объяснение – не является ценностью сама по себе, но требует своего рассмотрения в контексте субъективного опыта аналитика, внутри которого эта интерпретация вызревает. Это очень важный концептуальный разворот, благодаря которому мы делаем шаг от формы и содержания интерпретации к контексту ее появления. Здесь мы разводим техническую часть интерпретации – ее форму и содержание – и отношенческую, связанную с тем, в каких именно отношениях аналитика и его клиента она появляется.

Шаг в сторону отношений может быть не совсем ясен на первый взгляд. Для этого необходимо бросить взгляд в сторону феноменологии. Как мы помним, объективная реальность никогда не дается нам непосредственно, но как феномен, возникающий внутри нашего ума. Даже когда мы пытаемся описать клиента максимально объективно, вынося за скобки преждевременно возникающее знание о нем, мы тем не менее описываем работу нашей психики, которая поставляет те или иные феномены тем или иным актом сознания. То есть интерпретация является феноменом, который больше говорит о субъективности аналитика, чем сообщает окончательную информацию о перипетиях внутреннего мира клиента.

С другой стороны, субъективность аналитика является частью интерсубъективной ситуации. Но для того чтобы это произошло, необходимо занять особую позицию, то есть позволить себе погрузиться в состояние «двух психик». Внутри этого состояния все, что можно зарегистрировать как происходящее внутри индивидуальной психики, рассматривается как

принадлежащее системе отношений, то есть индивидуальное трансцендирует к совместному. Получается любопытная штука, по своей структуре напоминающая матрешку – мы можем наблюдать ряд процессов, которые вложены друг в друга и, соответственно, определяются чем-то внешним себе. Так, сначала мы воспринимаем те или иные феномены, и они определяются предшествующими актами сознания. На следующем шаге сами акты сознания оказываются не самостоятельно действующей силой, но процессом, который определяется intersубъективной ситуацией, то есть присутствием Другого. То есть содержание моей собственной психики уже не определяется только лишь персональным бессознательным процессом; он, в свою очередь, определяется бессознательным процессом Другого, точнее, бессознательной коммуникацией с ним.

Теперь можно попробовать описать модель интерпретации полностью. Мы исследуем клиента не для того, чтобы изучить его в позитивистском смысле, но для того, чтобы он появился как феномен в нашей психике. Когда это происходит, оказывается, что наше *знание* о клиенте уже не является исключительно *нашим*, поскольку оно само определяется присутствием Другого. Здесь возникает первое требование, адресованное к терапевту. Важно, чтобы присутствие Другого влияло на наше знание о нем. Здесь следует помнить, что это влияние может оказаться совершенно нежелательным терапевту – клиент может приглашать нас туда, где нам совершенно нечего делать, если бы мы выбирали это исходя из своего здравого смысла. Вызов к терапевту здесь заключается в том, чтобы он смог позволить себе на некоторое время оставить привычный берег, на котором привык обитать. То есть первое требование к интерпретации состоит в том, чтобы терапевт, ее осуществляющий, был вовлечен и впечатлен присутствием клиента.

Важность этой впечатленности очень проста, но при этом фундаментальна. По умолчанию мы воспринимаем Другого как говорящее и движущееся тело, и в этом измерении он мало чем отличается от троллейбуса, в котором играет громкая музыка. Нам нужно совершить усилие для того, чтобы за телесным покровом увидеть автономную психику, которая точно так же, как и мы, является центром своего персонального мира. Для того чтобы на месте Другого видеть не объекта, но субъекта, необходимо осуществить серьезное усилие. Дефицит этого усилия со стороны значимого Другого в раннем детстве приводит к разной степени самообъективации в более позднем возрасте. Усилие, которое мы совершаем для того, чтобы воспринимать Другого не как объекта – проекцию собственных ожиданий, но как субъекта с автономной психической жизнью, является обоюдоострым. С одной стороны, это безусловно важно для Другого, поскольку не ограничивает пространство возможного бытия. С другой стороны – и об этом очень подробно писала Джессика Бенджамин – способность видеть субъекта в Другом является фундаментальной потребностью и для нас, поскольку жизненно необходимо получать признание только от того, кого вначале мы признаем сами (*Benjamin, 1988*).

Второе требование заключается в том, что впечатленность сама по себе является скорее моментальным снимком происходящего, тогда как

последнее нуждается в постоянном развертывании, для которого необходимо специальное усилие. Здесь можно провести аналогию с тем, как осознание дополняется памятованием – первое обнаруживает реальность, тогда как второе удерживает фокус внимания на обнаруженном и корректирует отвлечение. Впечатленность, возникающая у терапевта, может производить в его психическом мире достаточно серьезные изменения, вплоть до таких, которые подводят терапевта к пределам его собственного смысла или декомпенсируют невротические защиты, тем самым обостряя бессознательные конфликты. Терапевт может реагировать на эту – безусловно временную, декомпенсацию – двумя способами: он может либо покинуть интерсубъективное поле и сохранять свою идентичность устойчивой ценой потери отношений, либо оставаться во взаимодействии для того, чтобы придать смысл этой деконструкции задним числом. То есть принцип неопределенности Гейзенберга продолжает действовать и здесь, в поле терапевтических отношений: можно либо знать – путем объективации, либо участвовать – сохраняя отношения друг с другом в качестве субъектов, но не то и другое одновременно.

Таким образом, смысл второго требования заключается в том, что оно, с одной стороны, постулирует серьезный вызов для терапевта, а с другой – призывает его не отступать от впечатленности и длить ее своим собственным усилием. Задача терапевта фактически заключается в том, чтобы в ходе терапевтической ситуации он мог позволить себе немного выйти за пределы своего невротически организованного пространства привычного смысла – ибо точно к тому же мы призываем и клиента. Здесь мы подходим к важному концептуальному месту: различные теории психического развития признают, что нарциссическая травма возникает в тот момент, когда значимый взрослый останавливает естественную экспрессию ребенка и насильно упаковывает ее в приемлемые формы выражения в тот момент, когда сам не имеет возможности справиться со своим откликом на ее проявления (*Mitchell, 1996*). Другим словами, в тот момент, когда в отношениях мы подходим к собственному пределу выдерживания, мы останавливаем процесс субъективации, то есть присутствия в контакте с двух сторон – со своей стороны и со стороны партнера. В данном случае клиента, если речь идет о терапевтических отношениях.

Итак, задача терапевта в таком ключе становится весьма нетривиальной. Ему необходимо поддерживать процесс субъективации клиента даже в тот момент, когда его собственная способность сохранять присутствие требует значительных усилий. Однако в этом есть и хорошая новость – если терапевт способен выдерживать проявления субъективности клиента и откликаться на его запросы, исходя из своей впечатленности, этот процесс оказывается терапевтичным для обоих участников диалога. Поскольку для психического развития требуется постоянная активация первичных процессов, которая возникает в тот момент, когда я как субъект попадаю в непривычное для себя место. Таким образом, второе требование к интерпретации состоит в том, чтобы не отступать от впечатленности и сохранять интерсубъективную позицию, несмотря на то что

для этого придется пожертвовать устойчивостью собственных идентификаций. Но в этой способности, собственно, и состоит одна из главных характеристик субъектности – иметь возможность идентифицироваться не с определенным образом себя, но с самим процессом субъективации, то есть с изменением, осуществляющимся вопреки ситуации и благодаря специальному усилию (Косилова, 2020).

Перейдем теперь к технической стороне вопроса и попробуем описать этапы осуществления интерпретации с опорой на описанные выше требования к терапевту. На первом этапе нам прежде всего важно поддерживать субъективацию клиента. Или, иными словами, произвести феноменологическую редукцию, то есть пригласить клиента сделать шаг от естественной установки сознания к рефлексивной (Шпигельберг, 2006). Субъективация предполагает движение от содержания сознания к тем процессам, которые лежат в его основе. Например, клиент жалуется на страдание, связанное с навязчивым стремлением производить хорошее впечатление на окружающих. Собственно, это стремление и является естественной установкой сознания, в рамках которой клиент действует с единственной целью – избежать осознания внутриспсихического конфликта. То есть естественная установка сознания фактически закрывает доступ к «другой» сцене, на которой происходит разыгрывание и навязчивое повторение незавершенной задачи развития.

Тогда актом сознания, производящим содержимое сознания, то есть определенное поведение – в данном случае стремление нравиться, – будет определенный защитный психический процесс, который избавляет клиента от непереносимых переживаний. Например, разочарование в собственных способностях стать родителем для своих родителей и злость на последних за то, что они относились к ребенку очень функционально. Установление рефлексивной установки сознания прямо противоположно действию защитных механизмов – фактически мы пускаем пленку, на которой записана последовательность психических событий, задом наперед. Но самое главное значение этой процедуры даже не в том, что в результате клиент сможет обнаружить источник своего поведения, которое вызывает страдание. Через исследование рефлексивной установки мы можем найти слепок той интенциональности, которая в свое время была остановлена опекающим окружением и которая может вновь получить свое развитие в терапевтических отношениях.

Таким образом, на первом этапе интерпретации, нам важно обнаружить страдание клиента не как индивидуальный процесс, но как интенциональность, обращенную к другому. Как мы помним, интерсубъективность предполагает бессознательную коммуникацию между двумя субъектами, но для начала этой коммуникации необходимо, чтобы на месте клиента появился субъект бессознательного. Смена позиции – от пользователя психическим аппаратом к его исследователю – происходит благодаря процедуре феноменологической редукции. На следующем этапе нам важно поддержать субъективацию, но теперь уже терапевта. Во-первых, в этом нуждается сам терапевт, поскольку для него важно не уступить своей вовлеченности, даже если это угрожает стабильности его идентификаций.

Во-вторых, как указывал Арон, клиент нуждается не столько в содержании интерпретации, сколько в открытии той субъективности, которая эту интерпретацию произвела (Aron, 1992).

Этот поворот от содержания к связи в точности повторяет парадигмальный сдвиг, который совершили теоретики объектных отношений, когда установили, что привязанность является ценностью сама по себе, как универсальный фундамент для удовлетворения конкретных влечений (Боулби, 2019). Итак, руководствуясь идеей о том, что клиент пытается обнаружить в терапевте субъекта, который, так же как и он сам, является человеческим существом с присущим ему бессознательным и, как следствие, сопротивлением, травмами и прочими прелестями несовершенства, мы можем ставить своей целью приоткрывать для клиента особенности тех психических процессов, которые отвечают за формирование интерпретации. Эта позиция ставит перед нами очень важный вопрос о степени самораскрытия терапевта. Самораскрытие может быть полезно, если оно отвечает на вопрос, заключающийся в бессознательной интенции клиента, и помогает прояснить потребность последнего в контексте отношений (Greenberg, 1995). Таким образом, субъективация терапевта включает в себя и феноменологическую редукцию, то есть рефлексия о том, в каких процессах рождается интерпретация, и реляционную перспективу, то есть рассмотрение этих процессов как функции отношений и реакции на впечатленность клиентом.

Третий этап интерпретации продолжает развивать отношения между клиентом и терапевтом, непосредственно фокусируясь на их взаимодействии. На этом этапе происходит встреча двух субъективностей, раскрытых на предыдущих шагах, и поддерживается обмен между ними. Для описания этого процесса можно воспользоваться представлением Винникотта о том, что интерпретация является для клиента не истиной в последней инстанции, но пониманием, которое совместно конструируется с участием терапевта (Винникотт, 2017). Последний не обладает объективным знанием о том, как устроен внутренний мир клиента, но может приглашать его на танец, в ходе которого, через приближение и отдаление, принятие и отбрасывание формируется, прежде всего, опыт разделенности и совместности. В этом смысле интерпретация принадлежит не терапевту, но терапевтической ситуации, и невозможно сказать ничего определенного о ее содержании до тех пор, пока не закончатся отношения, в которых она рождается. При таком подходе интерпретация оказывается рискованным предприятием для терапевта, ведь он принимает вызов покинуть спокойную бухту тихой теории и отправиться в плавание к другим берегам, через бурное море с незнакомыми течениями и переменчивой погодой.

Отношения между двумя субъектами всегда имеют асимметричный характер – отклик Другого немного отличается от того, что я от него жду, и я сам произвожу несколько иное впечатление, чем ожидаю. Это несоответствие целиком связано с наличием бессознательного, однако важно понимать, что только субъект способен действовать с опорой на эту психическую инстанцию. Субъект по сути является модусом бытия, позицией,

в которую приходится приходиться с помощью усилия. Индивид, в отличие от субъекта, не имеет доступа к бессознательному и поэтому оказывается поглощен нарциссическими идентификациями – этот процесс, например, описывали Поршнев под названием «суггестия» и Макс Вебер как «жизненный порыв» – подчиненность инструментальному интеллекту, направленному на решение повседневных задач.

Вспомним, что отношения структурируются объектом «маленькое *a*» (по терминологии Лакана) – Другой, в данном случае аналитик, занимает место объекта причины желания (Лакан, 2004). Он занимает это место в фантазиях клиента, а не в реальности; более того, аналитик часто совсем не обладает теми качествами, которые на него проецирует клиент. Но важно, чтобы терапевт смог отозваться на это приглашение, поскольку подобный отклик валидизирует интересу субъективный процесс клиента, связанный с незавершенной задачей психического развития. Когда терапевт принимает приглашение и занимает место объекта причины желания клиента, он сам становится субъектом бессознательной коммуникации. Либо не становится, выбирая оставаться не вовлеченным во взаимодействие, абстинентно-нейтральным носителем предельной рациональности. Эта коммуникация затягивает терапевта в разыгрывание сложного бессознательного сценария клиента, однако этот сценарий невозможно осознать, стоя на берегу, не погружаясь в поток с головой, не ощущая потери дна под ногами.

Итак, интерпретация в настоящее время рассматривается не только как способ придать смысл происходящим у клиента бессознательным процессам, но и прежде всего как создание пространства, в котором эти бессознательные процессы разворачиваются. Эта меняет перспективу психотерапевтических отношений, поскольку как бессознательное клиента, которое предоставляет материал первичных процессов, так и сознательное аналитика, который отвечает на это вторичными процессами, перестают быть индивидуальным состоянием, но становятся реляционной функцией. В таком понимании интерпретации отражаются основные ценности intersубъективной перспективы, которые обнаруживают сложности ее практического осуществления за кажущейся простотой концепции, как-то: неизбежность бессознательной коммуникации в сочетании с усилием, которое необходимо приложить для того, чтобы ее не избегать; хрупкий баланс между открытостью к диалогу и важностью сепарации и автономии; способность находить опоры не только в остановках, но и в процессе, который наполнен неопределенностью и вызовами управляемого трансцендирования. Все это, при аккуратном исполнении, позволяет клиенту получить доступ к бессознательным тектоническим процессам, которые определяют текущий ландшафт его психической жизни.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Канон+, 2019.
2. Винникотт Д.В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
3. Косилова Е. Субъект как тот, кто говорит «Нет» // Ценности и смыслы. М., 2020. Т. 67. № 3. С. 45–58.
4. Лакан Ж. Четыре основных понятия психоанализа. М.: Гнозис/Логос, 2004.
5. Шпигельберг Г. Феноменология в психоанализе // Логос. М., 2006. № 6 (57).
6. Aron L. (1992) Interpretation as expression of analyst's subjectivity. *Psychoanalytic Dialogues The International Journal of Relational Perspectives*. Vol. 2. Issue 4.
7. Benjamin J. (1988) The Bonds of Love: Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination.
8. Greenberg J. (1995) Self-Disclosure: Is it Psychoanalytic? *Contemporary Psychoanalysis*, 31:2, P. 193–205.
9. Mitchell S. (1996) The Wings of Icarus: Illusion and the Problem of Narcissism. *Contemporary Psychoanalysis*, 22:107–132.

## Interpretation as an intersubjective event

*M.G. Pestov*

*Pestov Maxim Gennadievich – MD (psychiatrist, psychotherapist), MA (psychology), teacher of the master's program at the Higher School of Economics, full member of the PPL, RPA and IARPP (International Association of Relational Psychoanalysis and Psychotherapy).*

*The article describes the transformation of ideas about interpretation – from the analyst's unidirectional influence on the analysand to a joint intersubjective process that affects both participants in the analytic situation. The article presents generalizations of ideas about the analyst's position from the point of view of object relations theorists, representatives of attachment theory, interpersonal and relational traditions. The practical value of the work is that it describes the "requirements" for an analyst who takes an intersubjective position in relations with the analysand, and also highlights the conditional "stages" of constructing an interpretation that meets the above requirement.*

*Keywords: subject, intersubjectivity, dialogue, phenomenology, relational perspective, psychotherapeutic relations, psychoanalyst self-disclosure.*